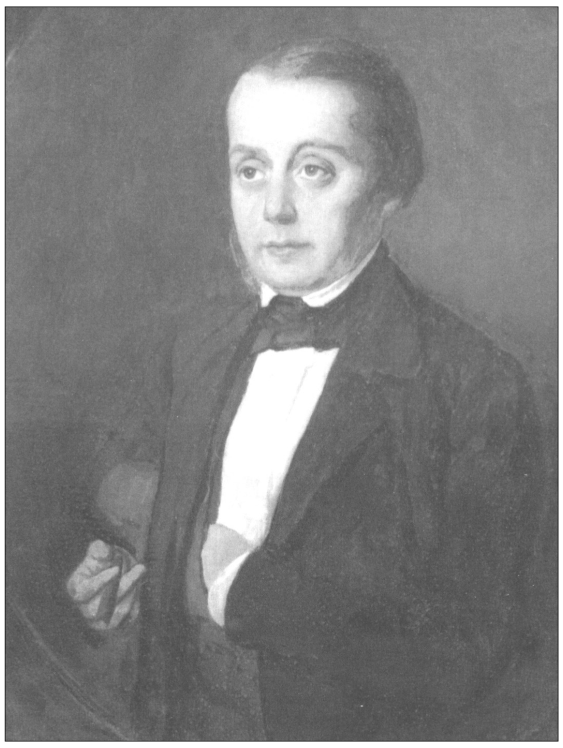
Только у нас



И. А. Гончаров
С портрета работы художника
К. А. Горбунова, холст, масло, 1847 г.

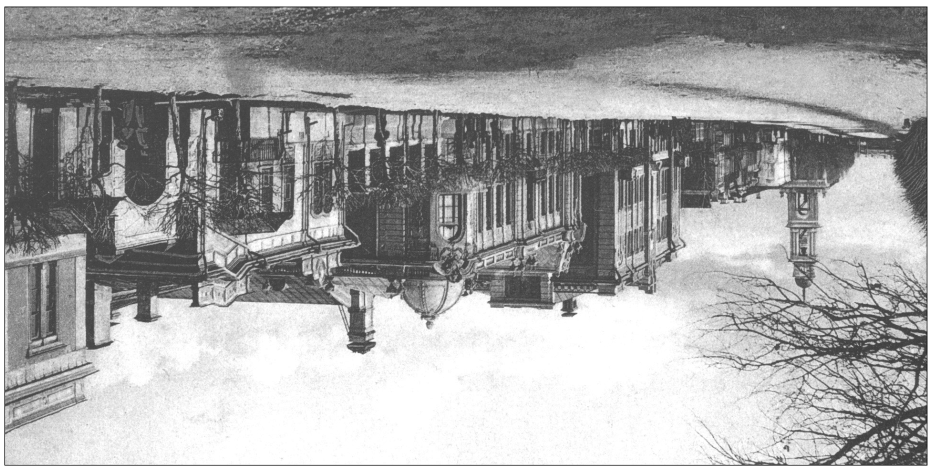
Рассказывая, какой радостной была встреча в Симбирске с родными, Иван Александрович описал, как они выглядели: «Маменька встретила просто, без эффектов, так почти с немой радостью... Славная, чудесная женщина. Она постарела менее, нежели я ожидал... Сестра из 18-летней худенькой девушки, какой я ее оставил, превратилась в толстую, тридцатилетнюю барыню, но только милую, чудесную барыню; ни ум, ни понятия ее не заросли в глуши: по-прежнему бойкая, умная и насмешливая... У братца моего брюшко лезет на лоб, а на лице постоянно господствует выражение комической важности... Но как все это любит меня, как радуется моему приезду».

Неудивительно, что после долгого отсутствия писатель едва узнавал родной город. Внешний облик центральной части Симбирска действительно очень преобразился. И во многом благодаря императору Николаю I, побывавшему здесь в августе 1836 года, причем изменился к лучшему. Частные усадьбы, находившиеся западнее губернаторского особняка, были снесены. Зато к губернаторской резиденции был приделан пристрой («новый фас») в сторону Никольской церкви. Ветхий Дом городского магистрата, расположенный невдалеке от дома Языковых на Спасской улице, был снесен, и на его месте построено приличное каменное двухэтажное здание городского общества. А на возникшей новой площади в августе 1845 года был сооружен величественный памятник Николаю Карамзину по проекту академика Самуила Гальберга[1].

Во исполнение царских повелений был благоустроен весь Венец - от здания присутственных мест до дома вице-губернатора (бывшего Карамзиных). Закончилась отделка Троицкого кафедрального собора, сооруженного в память победы России в Отечественной войне 1812 года по проекту академика Михаила Коринфского. И, наконец-то, на месте каменных флигелей чертежной, типографии и архива, стоявших севернее губернаторского особняка, на Новом Венце, по проекту академика Ивана Бенземана в 1847 году был воздвигнут изящный белокаменный Дом дворянского собрания, в левом нижнем крыле которого 18 апреля 1848 года была открыта Карамзинская общественная библиотека. А между парадным фасадом этой новостройки и Троицким собором был устроен «публичный сад» (будущий Николаевский сад). Отрадные преобразования произошли на Новом Венце, начались работы по устройству удобного спуска к Волге (будущего Петропавловского, ныне Степана Разина). А на южном окончании Большой Саратовской улицы, вблизи Бараньей слободки (ныне улица Минаева), кондитер А.М. Слепнев, при финансовой помощи полковника в отставке М.М. Наумова, возвел в 1845 году добротное деревянное здание театра. На центральной Большой Саратовской улице был реконструирован Гостиный двор с многими десятками лавок со всевозможными ремесленными и промышленными товарами и продуктами питания, а через овраг речушки Симбирка возводилась большая дамба, облегчавшая сообщение ярмарочной площади с территорией, где проходила Сборная ярмарка, одна из крупнейших в Поволжье.

И это не случайно. Ведь Симбирск, находясь на перекрестке путей, с одной стороны - волжского, а с другой - тракта, связывающего Центральную Россию с заволжскими степями и Средней Азией, издавна являлся важным торговым центром. Этому способствовало и то, что по западной части губернии протекала судоходная Сура, несущая свои воды с юга на север и впадающая в Волгу в Казанской губернии. Наконец, важное значение на рост внутренней и внешней торговли Симбирска и губернии оказывало развитие пароходства. Так, если в 1841 году к верховьям Волги через Симбирск прошло 2 парохода, то в 1849 году по Волге и Суре ходило 36 пароходов, которые по расписанию перевозили пассажиров и грузы, буксировали баржи и плоты. А всего в год приезда И.А. Гончарова в родной город через Симбирскую губернию прошло 1897 судов, из которых 65 остались зимовать, главным образом, в самом Симбирске[2].

На Сборную ярмарку, начинавшуюся на первой (сборной) неделе великого поста, приезжали тысячи купцов и приказчиков не только своей, но и других губерний - Московской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Оренбургской, Астраханской, Саратовской, Тифлисской, Таврической. За две недели работы ярмарки на ней можно было приобрести любые товары - как российские, так и «европейские, азиатские и колониальные». Здесь же продавались рысистые и крестьянские лошади, элитный рогатый скот, птица лучших пород. Разумеется, на ярмарке устраивались балаганы, в которых веселился простой народ, и карусели. За время торжища изрядный куш срывали владельцы гостиниц, постоялых



Большая Саратовская улица.
Открытка. Начало XX в.

рием Михайловичем Толстым, троюродным братом декабриста В.П. Ивашева, знакомым Н.В. Гоголя, Н.М. Языкова, С.Т. Аксакова, а также одним из инициаторов увековечения памяти Карамзина в Симбирске. К очень порядочным знакомым Анненкова в Симбирске принадлежал Александр Николаевич Татаринов - друг поэта Н.М. Языкова, твердый противник крепостничества, инициатор сооружения памятника Карамзину и Карамзинской общественной библиотеки. В эту же когорту входили братья Петр и Александр Языковы, поэт Дмитрий Петрович Ознобишин, губернский предводитель дворянства Николай Тимофеевич Аксаков, ученый землемер - краевед Александр Павлович Яровой, чиновник по особым поручениям симбирского губернатора, питомец юридического факультета Михаил Николаевич Островский, младший брат знаменитого драматурга.

Упомянул Иван Александрович в этом же письме к Майковым и о новехоньком храме Мельпомены: «Был в здешнем театре: это «было бы смешно, если бы не было очень скучно». Симбиряки похлопывают, хотя ни в ком нет и признака дарования. Но я рад за Симбирск, что в нем есть театр, какой бы то ни было. Глупо бы было мне, приехавши из Петербурга, глумиться над здешними актерами, и оттого я сохранил привычную важность, позевывая исподтишка». А вот столичный чиновник и начинающий драматург граф В.А. Соллогуб, приехавший в том же 1849 году в Симбирск, оценил здание театра, украшенное еще и «навесом для выезда лошадей», как «весьма порядочное». А после того, как побывал внутри, граф с удовлетворением отметил: «Не велик, но выстроен умно; два ряда лож, партер, места за креслами - все чистенько. Кондитер (А.М. Слепнев. - **Ж.Т.**) мастер своего дела» [6].

Что касается игры актеров, то следует отметить, что в Симбирске - городе с давними театральными традициями - во времена посещения театра Иваном Александровичем постоянной труппы не было, как, впрочем, их не имелось и в Казани, Саратове, Пензе и других губернских центрах. А гастролирующие труппы в Симбирске давали за зимний сезон 75 разных спектаклей, и все они не могли быть удачными. Если учесть, что в каждом городе антрепренер привлекал для постановки спектаклей исполнителей и музыкантов из числа любителей, то такому избалованному театралу, каким со студенческих лет являлся Гончаров, приходилось во время представления «позевывать исподтишка». Однако графу Владимиру Соллогубу повезло: пьесу, которую он смотрел в симбирском театре, актеры «сыграли порядочно», а водевиль (переделка с французского), по его словам, - «превосходно, его сыграли так, как разве играют в Александринском театре, в бенефисный день...»[7].

В цитируемом выше письме Гончарова к Майковым не может нас не интриговать и такое признание романиста: «Встретил кое-кого из старых знакомых, весьма порядочных людей, но встретил без всякого удовольствия; некоторые из новых лиц пожелали познакомиться со мной, я нейду и этим страшно смущаю и компрометирую брата, который обещал познакомить меня с этими лицами, сказал им даже, что я за честь имею и т. д.». Некоторых из «старых знакомых» можно определить при сличении списка чиновников во время «подставного» секретарства Ивана Александровича у губернатора Загряжского с таким же списком 1849 года. Так, в 1834 - 1835 годах в губернском правлении служил титулярный советник Яким Сергеевич Светухин, а спустя 14 лет он в чине коллежского секретаря служит в том же правлении, но уже в должности старшего советника. Или: коллежский асессор Николай Петрович Скобельцын в 1834 - 1835 годах был чиновником по особым поручениям в казенной палате, а в 1849-м - в той же палате, но в должности советника.

Вполне вероятно, что эти старые знакомые были порядочными людьми, но закреплять знакомство с ними, обмениваться визитами - на это у писателя, который приехал в Симбирск с намерением заняться творческой работой, не было ни желания, ни времени. Ему, как и в былые времена, хотелось и побродить по окрестностям, и порыбачить на Волге, и съездить в заволжское село, где занимался в пансионе у священника Троицкого, и взглянуть на прекрасные дубовые леса в окрестностях села Архангельского. Но писатель не был вполне свободен распоряжаться собой, и любопытным свидетельством этому служат строки из письма к Майковым: «Около меня бегают два шалуна, раздается непривычный для моего слуха призыв: дяденька, дяденька! Это братнины дети. Сестра привезет с собою (из села Хухорево Ардатовского уезда. - **Ж.Т.**) еще шестерых».

Но в целом Иван Александрович был доволен пребыванием в Симбирске и в письме к Юлии Дмитриевне Ефремовой, родственнице Майковых, он заявил: «Здесь я ожил, отдохнул душой и даже помолодел немного... Мне и не скучно пока, и не болен я, и нет отвращения к жизни... Вспомнить не могу, что надо ехать туда (в Петербург. - **Ж.Т.**), опять приняться за хождение на службу, за обычную тоску и лень. Какая разница между здешнею и петербургской ленью...». В том, что писатель не болел и морально чувствовал себя здоровее, была заслуга и мужа сестры Анны, 48-летнего доктора медицины Петра Авксентьевича Музалевского. После увольнения из армии он обосновался в Симбирске, где своим врачебным искусством приобрел большую популярность. Здесь он и женился на Анне Гончаровой, купил полукаменный дом, невдалеке от Тихвинского спуска, с большим садом, в котором устроил уютную беседку, с живописнейшим видом на Волгу и Заволжье. А невдалеке от усадьбы, близ Тихвинской церкви, бил ключ с прекрасной водой. В беседке Музалевских писатель без помех мог почитать газеты и журналы, поработать над рукописью.

Гавриил Никитич Потанин, учитель детей в домах Гончаровых и поэта Д.И. Минаева, впоследствии сотрудник некрасовского «Современника», пребывание романиста в Симбирске в 1849 году обрисовал мажорным тоном: «Это было самое счастливое время для Гончарова: жил здесь, можно так выразиться, самою живою жизнью, какою только может жить человек на земле. Тут было все: и радость первого литературного успеха, и пленительные воспоминания детства, и сияющее лицо матери, и ласки, восторги, подарки тому счастливому любимцу, и воркование слепой няни, которая теперь готова молиться на своего Ванюшу, и раболепие слуги, который, как мальчишка, бегает, суетится, бросается во все углы, лишь бы угодить Ивану Александровичу».

Наверное, так оно и было. Но престарелый писатель Потанин рисовал эту благостную картину много лет спустя после выхода в свет воспоминаний романиста и его родных. Ознакомление же с архивными документами показало, что Гавриил Никитич, выпускник Симбирской гимназии, с 1847 года преподавал словесность в Самарском уездном училище, и если во время каникул 1849 года он выбрался в Симбирск и побывал несколько часов у Гончаровых, то этот визит не мог дать оснований назвать все пребывание романиста на родине «самым счастливым временем». Документы самарского областного архива неопровержимо свидетельствуют о надуманности и других эпизодов потанинских «воспоминаний», в частности, его утверждения, будто бы Иван Александрович летом 1849 года вместе с доктором П.А. Музалевским отдыхал в пригородной «даче в усадьбе Киндяковых», то есть в Киндяковской роще[8]. В очерке «Воспоминания» Гавриила Потанина», опубликованном в «Ульяновской правде», а в 2007 году - и в книге «Наш Гончаров», я подробно рассказал об этих и других плодах фантазии 80-летнего мемуариста, однако областные чиновники по-прежнему проводят главные гончаровские торжества не в лучших залах, находящихся в центральной части Ульяновска, а близ Киндяковской рощи, называя эту местность «Винновской рощей».

Почему это пребывание в Симбирске не могло быть «самым счастливым временем для Гончарова»? Во-первых, после падения монархии во Франции, революционных событий в Германии и восстаний итальянцев против австрийских захватчиков в России наступила эпоха мрачной реакции. Император Николай I, напуганный этими бурными событиями, развязал в стране террор против свободомыслящего общества. Резко усилились цензурные преследования печати, жестоко расправились с членами

---

[1] *Трофимов Ж. Симбирский памятник Н. М. Карамзину. Известное и неизвестное. Ульяновск, 2006. С. 20.*

[2] *Буйвид. Военно-статистическое обозрение Симбирской губернии. СПб., 1855. С. 121.*

[6] *Сочинения графа В. А. Соллогуба. Т. 3. СПб., 1856. С. 4.*

[7] *Трофимов Ж. Страницы истории симбирского театра. Ульяновск, 1994. С. 12*

[8] *Трофимов Ж. Наш Гончаров. С. 188.*